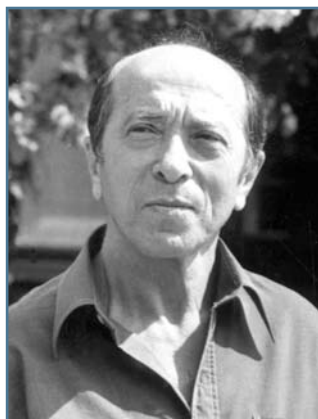

ЯКОВ ЛЕОНТЬЕВИЧ ЦИВЬЯН

О Якове Леонтьевиче Цивьяне нельзя сказать, что он внес большой вклад в развитие отечественной вертебрологии: он был среди тех немногих, кто ее СОЗДАВАЛ. «Железный занавес», в течение многих десятилетий отделявший нашу страну от всего цивилизованного мира, сыграл свою негативную роль в развитии отечественной вертебрологической школы, одним из ведущих и признанных центров которой был Новосибирск. В этом городе в 1920 г. и родился Яков Леонтьевич Цивьян. 27 сентября 2005 г. ему исполнилось бы 85 лет. В нашей стране редко кто доживает до такого возраста: вот и Учителя нет с нами уже 18 лет. Институтская молодежь о нем почти ничего не знает. Да и нас, тех, кому посчастливилось с ним работать, осталось не так много.

Яков Леонтьевич Цивьян не был потомственным врачом. Он родился, как принято было говорить в советское время, в семье служащих. Мать работала учителем в младших классах, а отец, бухгалтер по профессии, вскоре после рождения сына отправился в Манчжурию на строительство Китайской восточной железной дороги. Семья вернулась в СССР только через 12 лет. Позже отец был репрессирован и из лагерей уже не вернулся.

В 19-летнем возрасте Яков поступил в Новосибирский мединститут. Он был третьекурсником, когда началась война. Учебную программу в вузе резко сократили, и выпуск 250 человек состоялся в 1943 г. Список выпускников в алфавитном порядке был вывешен на видном месте и чертой разделен на две равные половины – первые 125 выпускников отправились в действующую армию, остальные 125 – распределены в обычном порядке. Цивьян получил распределение в Рудничный поселок Кемеровской области, расположенный при шахте Центральной. Вместе с ним отправилась и его жена Орлова Наталья, которая в вышеупомянутом списке значилась под номером 126.

Наталья Сергеевна вспоминала, что с работой им повезло. Сама она избрала – как потом выяснилось на всю жизнь – профессию офтальмолога, какового в больнице на тот момент не было вообще. Яков Леонтьевич приступил к работе в хирургическом отделении. Больница и поликлиника были по тем временам очень хорошо оснащены. Заведовала хирургическим отделением Мария Александровна Черкасова – опытный хирург широкого профиля, очень много сделавший для становления молодого врача. Цивьян не выходил из больницы неделями. Работы хватало: лечение травмированных шахтеров, больных общехирургического профиля, операции в расположенных неподалеку многочисленных лагерях репрессированных. Через год, после рождения дочери, семья вернулась в Новосибирск, а Яков Леонтьевич поехал работать в Венгеровский район, где в течение восьми месяцев был практически единственным хирургом.

В 1946 г. пришел в только что созданный Новосибирский НИИ восстановительной хирургии, травматологии и ортопедии – НИИВосХиТО и остался здесь на всю жизнь. Его взял под свое крыло Вениамин Захарович Котляр, прошедший всю войну в качестве хирурга военно-полевого госпиталя, а в дальнейшем работавший на кафедре мединститута.

В течение более чем десятка лет научные интересы Я.Л. Цивьяна концентрировались на патологии тазобедренного сустава. В этом нет ничего удивительного, так как операции на тазобедренном суставе в те годы считались вершиной ортопедической хирургии, а молодой хирург любил трудные задачи, любил быть первым. Такой был характер. В 1952 г. защищена кандидатская диссертация «Внесуставной остеосинтез при переломах шейки бедра», а в 1960 г. – докторская по теме «Внутрисуставное протезирование тазобедренного сустава в эксперименте и клинике». Этой же проблеме была посвящена и первая монография Я.Л. Цивьяна.

Эндопротез Цивьяна, акриловая головка на металлической ножке, был первым в СССР. Он имплантирован сотням больных, упомянут во всех руководствах, мы знаем пациентов, которым он исправно служил по 15–18 лет. В одной из своих книг Яков Леонтьевич вспоминал, что этот эндопротез был принят многими в штыки. На одном из съездов ему «остроумно» рекомендовали вместо ушивания раны оставлять на коже «молнию», чтобы легче было менять имплантат.

С 1946 по 1963 г. Яков Леонтьевич прошел все служебные ступени от младшего научного сотрудника до профессора, руководителя отдела травматологии и ортопедии, и при этом

всегда оставался в первую очередь хирургом. В его личном деле есть упоминание о том, что в 1954 г. канд. мед. наук Я.Л. Цивьян был откомандирован на авиастанцию «скорой помощи» в качестве борт-хирурга и за три месяца совершил 32 вылета в отдаленные районы области.

По операционным журналам отдела травматологии и ортопедии можно определить, что хирургией позвоночника Яков Леонтьевич вплотную занялся в 1958 г. В основном это были операции по поводу туберкулезного спондилита, задние спондилодезы при сколиозе. На передние отделы позвоночника шеф вышел в 1961 г. своей знаменитой операцией «тотальная дискэктомия и расклинивающий корпородез при поясничном остеохондрозе». За нею последовали многочисленные варианты вентрального спондилодеза при повреждениях позвоночного столба, сегментарная и корригирующая вертебротомии при деформациях различной этиологии.

Необходимо отметить сколь удивительную, столь и огорчительную особенность отечественной вертебрологии в советские годы – почти полное отсутствие металлоимплантатов. Можно упомянуть лишь несколько вариантов дорсальных фиксаторов, из которых до наших дней сохранился только фиксатор-стяжка Цивьяна – Рамиха, многократно модифицированный другими авторами. В этих условиях Яков Леонтьевич прилагал огромные усилия по развитию костно-пластических операций на передних и задних отделах позвоночного столба. Смеем утверждать, что в этом разделе вертебрологии он сделал больше, чем кто бы то ни было.

В 1964 г. профессор Я.Л. Цивьян был назначен на должность заместителя директора института по научной работе. К этому времени НИИВосХиТО переименован в НИИТО, так как его основная задача – лечение ветеранов Великой Отечественной войны – была в целом выполнена. Институт должен был обрести свое научное лицо. Естественно, что таким лицом стала вертебрология. В 1967 г. Яков Леонтьевич возглавил вновь созданную кафедру травматологии и ортопедии НГМИ, а занимать два руководящих поста было неположено. Кафедра базировалась в НИИТО, Я.Л. Цивьян уже на общественных началах продолжал возглавлять клинику травматологии и ортопедии, а ее работа, в свою очередь, и определяла вышеупомянутое научное лицо и реноме НИИТО.

В клинику Цивьяна обычно приходили со студенческой скамьи. Он любил работать с молодежью. Сам он полностью соответствовал американскому *self-made man*, и сотрудников себе лепил по своему образу и подобию. Работа в отделе шла в бешеном темпе: операции, дежурства, обходы, конференции. Каждый день спешили в клинику как на праздник и на экзамен одновременно. Было всегда интересно, но и малейших недоделок Цивьян не прощал. Любимую его фразу: «В хирургии нет мелочей!» – мы, его ученики, запомнили на всю жизнь. На клиническом разборе нужно было досконально знать больного, особенности патологии, существующие методы лечения. На ошибку в диагнозе, особенно если случай нестандартный, Яков Леонтьевич мог посмотреть сквозь пальцы, но докладывать читая историю болезни, было в его глазах признаком элементарного незнания собственного пациента. За такой грех можно было на пару месяцев лишиться права входить в операционную.

К операциям нас вообще подпускали осторожно: право работать на позвоночнике нужно было доказывать не год и не два. Но даже ассистировать шефу (как мы его называли) было счастьем для любого из нас. Виртуозная техника в сочетании с удивительно новаторским мышлением делали его операции поистине удивительным зрелищем. Знаменитая корригирующая вертебротомия при болезни Бехтерева производила на многочисленных гостей клиники ошеломляющее впечатление. После слов Якова Леонтьевича «На коррекцию!» – двое из нас приподнимали надплечья больного, шеф надавливал на зону вертебротомии, и в течение нескольких секунд грубейший кифоз превращался в лордоз. Повторить эту операцию в СССР пытались очень немногие, да и те после нескольких неудач отказались от дальнейших усилий.

В хирургической вертебрологии не было разделов, которые не интересовали бы Я.Л. Цивьяна. Так, в области хирургии сколиоза он блестяще развил и применил на практике идеи великого В.Д. Чаклина о вентральном спондилодезе как методе предотвращения

прогрессирования торсии позвонков. Разрабатывал методы лечения повреждений позвоночника любой локализации – как несложных, так и сложных травмой спинного мозга. Практически первым стал оперировать больных с тяжелыми кифозами на почве болезни Шейерманна.

Цивьян много писал: более 20 монографий, до полутысячи статей. При этом, к сожалению, за рубежом его работ почти не знали. В противном случае имя профессора Цивьяна занимало бы достойнейшее место в списке ведущих вертебрологов мира. Ведь операции на передних отделах позвоночника, рутинные для нашего института в начале 60-х гг. XX века, были тогда в Европе и Америке большой редкостью. Как специалист Яков Леонтьевич Цивьян посещал только Болгарию, где его имя до сих пор произносят с глубочайшим уважением, и ГДР. В Восточную Германию его пригласило политбюро СЕПГ после операции, выполненной в НИИТО немецкому офицеру, получившему травму шейного отдела позвоночника при падении с трапа самолета в Новосибирском аэропорту. После конгресса шефу была предоставлена возможность десять дней отдохнуть в замечательном замке, но через двое суток Яков Леонтьевич буквально сбежал домой. Он не умел толком отдыхать, умел только работать. «Интереснее работы все равно ничего нет», – сказал нам однажды. В то же время сухарем он не был. Очень много читал, любил музыку.

Его жизнь во многих отношениях складывалась очень непросто. В известной степени это отразилось в характере – он мог быть жестким, даже жестоким. «Когда речь идет о деле, я не бываю справедлив» – это тоже его слова. Но мы все знали: что бы ни случилось, Цивьян прикроет, мы за ним как за каменной стеной. В клинике, среди своих, выскажется по полной программе, но потом будет защищать всеми средствами.

Он умер, как часто умирают хирурги, внезапно, в расцвете сил. Ему не исполнилось и 67 лет. Острый приступ тяжелой болезни, несколько безнадежных недель в реанимации...

Странное совпадение: решение Министерства здравоохранения об основании на базе Новосибирского НИИТО республиканского Центра патологии позвоночника было принято именно в эти дни. Мы успели сказать ему о том, что главная мечта его жизни сбылась...

Несмотря на все коллизии прошедших лет, вертебрологическая школа профессора Цивьяна жива. Институт постоянно развивается. Базисом всего, что мы делаем сейчас, были и остаются наработки шефа. Он не узнал бы сегодня свою клинику, но сомнений нет – мы на правильном пути!

Ученики Я.Л. Цивьяна,
Новосибирский НИИТО